

О.В. Попова

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ И БИОЭТИКЕ И КАНТИАНСКАЯ ЛИНИЯ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖИВОТНЫХ

Попова Ольга Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: J-9101980@yandex.ru

В статье рассмотрено влияние идей И. Канта на развитие философского и биоэтического дискурса о правах животных. Доктрина И. Канта, с присущей ей антропоцентричной установкой, обычно противопоставляется биоцентричному дискурсу, характерному для англосаксонского утилитаризма со времен И. Бентама. Предполагается, что кантианский подход игнорирует вопрос о правах животных. В статье мы пытаемся показать, что учение И. Канта оказало заметное влияние на формирование дискурса о правах животных. Речь идет не только о том, что зоозащитники воспринимали идеи И. Канта как доводы своего идейного оппонента, которые следует ставить под сомнение, но также и о том, что они были восприняты и развиты в XX в. в биоцентричном дискурсе и использовались для защиты прав животных.

Ключевые слова: права животных, биоэтический императив, спешисизм, биоцентризм, видовой шовинизм, животное, антропоцентризм, благоговение перед жизнью, анималистический поворот

Для цитирования: Попова О.В. Анималистический поворот в философии и биоэтике и кантианская линия в защите прав животных // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 78–95.

Введение

Долгое время в философской традиции господствовала идея исключительности человеческого вида. Видовой «шовинизм» основывался на представлении об онтологическом превосходстве человеческого вида по отношению ко всем остальным живым существам. Вера в достоинство человека развивалась параллельно с убеждением в моральном и интеллектуальном превосходстве человеческих существ. Этот процесс сопровождался формированием стойких убеждений, позволяющих осуществлять эксплуатацию других живых существ.

Процесс защиты прав животных сопровождался появлением концептуального аппарата, позволяющего акцентировать внимание на закрепленном месте животных и среди других живых существ, и в среде по-новому понимающих себя человеческих сообществ.

«Объективизм», «видовая дискриминация», «видовой расизм», «двухфакторный эгалитаризм» и др. понятия озаменовали становление анималистского философского дискурса, позволяющего нюансировать сложившиеся отношения между человеком и животными. В 1970-х гг. Р. Райдер ввел понятие «спешисизм» (англ. *speciesism* – от *species* – «вид», «порода», «род»), отражающее доминирующий тип поведения людей по отношению к животным, направленного на моральное оправдание насилия по отношению к животным, если оно служит интересам человека¹.

Спешисизм рассматривался как аналог видового расизма. Обращаясь вместо категории «раса» к понятию «вид», он осуществлял онтологическую стратификацию живых существ по факту принадлежности к человеческому виду. Определенная видовая кастовость, которую зафиксировал спешисизм, была обусловлена выделением особого места человека в природе, обусловленного обладанием исключительными характеристиками, прежде всего сознанием и речью.

Предлагаемая читателю статья – попытка анализа ряда философских идей, оказавших влияние на формирование дискурса о защите прав животных в философской и биоэтической мысли. При этом внимание будет акцентировано на влиянии представлений И. Канта на развитие этой полемической линии.

С. Камензинд указывает, что в современном философском дискурсе сформировалось три подхода (стратегии), рассматривающих идеи Канта в контексте проблемы отрицания морального статуса животных.

Так, теоретико-имманентный подход опирается на основные положения кантовской этики, но указывает на ошибочность его позиции и предлагает улучшенные версии этики, учитывающие моральный статус животных. В рамках теоретико-трансцендентного подхода этика Канта существенно модифицируется и развивается в новом понятийном поле, заимствуя понятия из некантовских теорий. И первый, и второй подходы, по мнению Камензинда, искажают идеи Канта до неузнаваемости. Он, в свою очередь, отстаивает подход, позволяющий зафиксировать исходные идеи Канта, и утверждает, что кантовское представление о непрямых обязанностях по отношению к животным имеет далеко идущие практические последствия и является наиболее адекватным².

Наличие различных путей истолкования идей Канта в контексте дискурса о правах животных, на наш взгляд, свидетельствует о неугасающей актуальности и побудительной силе мысли Канта. Его антропоцентризм, вызывая аффективную реакцию у зоозащитников, дает толчок для появления фундаментально новых представлений о моральном статусе человека и животных и кристаллизации новой мировоззренческой позиции.

В этом отношении И. Кант, как и Р. Декарт, может считаться одной из ключевых фигур для формирования дискурса о правах животных. И если

¹ См.: *Ryder R.D. Experiments on Animals // Animals, Men and Morals. N.Y., 1971. P. 41–82.*

² *Camenzind S. Kantian Ethics and the Animal Turn. On the Contemporary Defence of Kant's Indirect Duty View // Animals. 2021. Vol. 11 (2), 512. DOI: 10.3390/ani11020512.*

механистический взгляд о Декарта в данном контексте подвергается резкой критике, то философская позиция Канта рассматривается как более мягкий вариант философствования.

Некоторые философские импликации в защите интересов животных: от И.Г. Фихте и А. Шопенгауэра к А. Швейцера и Ф. Яру

В «Основе естественного права» И.Г. Фихте подвергает критике кантовский категорический императив, пытаясь определить круг субъектов морали, к которым можно применить понятие разумности. Фихте задается вопросом о специфических особенностях субъекта, который должен принадлежать к царству разумных существ, управляемому принципом всеобщего законодательства³. Он пишет: «Ибо откуда же я знаю, какой определенный объект есть разумное существо; состоит ли, скажем, под защитой этого законодательства только белый европеец или также и черный негр, – только взрослый человек или также и ребенок; и не распространяется ли она, быть может, и на преданное домашнее животное?»⁴. Антропоцентристское мировоззрение в этом контексте остается доминирующим, а вопросы о членах разумного царства важны лишь для того, чтобы подчеркнуть особое онтологическое положение человека, зависимое от человеческого рода и находящееся в становлении, в то время как в образовании животных природа завершила свою работу⁵.

Затрагивая вопрос об обращении с животными, Фихте постулирует особое универсальное право человека на захват животных в свое владение, который в системе нынешних оценок морального сознания является свидетельством видовой дискриминации. Фихте призывает к некоторым ограничениям эксплуатации животных, полагая, что их должно накладывать государство, определяя границы дозволенных способов обращения с животными⁶. То есть защита животных, в отличие от позиции Канта, здесь не является долгом человека перед самим собой, что оказывает влияние на дальнейшее развитие нравственности.

В целом позиция Фихте выражает установку немецкой классической философии, рассматривающей животных лишь как средство целеполагающего человеческого существования. Их статус аналогичен статусу вещей, собственности.

Позиции Фихте противостояло акцентирование способности испытывать страдание, характерное для философии Ж.-Ж. Руссо и И. Бентама. Это отчасти позволило продемонстрировать схожесть опыта всех живых существ, обусловленную их способностью испытывать боль.

Эта оппонирующая Канту линия морального философствования в XIX в. была также четко выражена у А. Шопенгауэра. Несмотря на преклонение перед гением Канта, он существенно разошелся с ним в понимании нравственного отношения к животным. Опираясь на идеи Руссо, китайскую и индийскую мысль, Шопенгауэр развивает идею сострадания к живым

³ Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М., 2014. С. 75.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же. С. 198.

существам. В работе «Свобода воли и основы морали» он показывает оскорбительность для морали представления о животных в качестве вещей и вступает в дискуссию с Кантом, оспаривая его положение о том, что человек не может иметь никаких обязанностей к какому-либо иному существу, кроме человека.

Он также обращает внимание на спорность тезиса Канта о том, что жестокое обращение с животными противоречит обязанности человека к самому себе, поскольку притупляет в людях сочувствие к их страданиям. Шопенгауэр указывает, что в контексте культивирования сострадания животные становятся патологическим фантомом при упражнениях в сострадании⁷. По Шопенгауэру, такая философская мораль тесно связана с религиозными предпосылками, маскирующими теологическую мораль, где человек имеет преимущество перед другими видами живых существ, а животные рассматриваются исключительно как вещи и становятся предметом развлечения в жестоких практиках. Он называет эту мораль моралью париев и чандалов (т.е. отверженных, неприкасаемых каст), подразумевая под нею мораль, «отвергающую вечное существо, пребывающее во всем живущем», и принимающую в расчет только «собственный драгоценный род, отличительный признак коего, – разум, есть единственное условие, при котором существо может быть предметом нравственного внимания!»⁸.

Дискурс о правах животных нашел в творчестве Шопенгауэра, «перешагнувшего» через моральный авторитет Канта, богатый источник идей, задающий новое представление об основании нравственности, где идея сострадания вытесняет кантианский долг, а автономия субъекта не так значима, как уязвимость человеческого существа и других живых существ.

Биоцентристская парадигма и философские предпосылки формирования этоса защиты животных

Инструментальное понимание роли животных, характерное для континентальных философских доктрин XVIII–XIX вв. и распространенных в это время социальных практик, постепенно трансформировалось. В XX в. складываются предпосылки для становления биоцентристского мировоззрения: животное начинает рассматриваться не только в контексте инструментализирующих интересов человека, но и как феномен, несущий в себе внутреннюю ценность. Однако его нельзя все же назвать доминирующим и определяющим новую специфику отношения к живым существам.

Между тем параллельно с биоцентристскими идеями, которые переопределяли отношения между людьми и животными и смещали антропоцентристский фокус исследования на философскую периферию, развивались сугубо редукционистские представления о животных. Достаточно вспомнить о радикальных взглядах представителей научной школы бихевиоризма, которые исключали наличие высших психических функций у животных и сводили поведение животных к известной схеме «стимул-реакция».

Однако антропоцентристское мировоззрение, определявшее развитие науки в первой половине XX в., несмотря на категоричность суждений

⁷ Шопенгауэр А. Свобода воли и основа морали. СПб., 1887. С. 191–192.

⁸ Там же. С. 192.

и редуccionистскую аксиоматику, оказывающую сопротивление концептуальному «освобождению» животных, все же позволило прорасти росткам философской тематизации прав животных. В этом контексте также не обошлось без обращения к идеям И. Канта.

Так, А. Швейцер обратил внимание на узкое понимание Кантом области этического в связи с попыткой свести ее к обязанностям человека по отношению к человеку и исключением из рассмотрения отношения к другим видам. Действительно, в работе «Основоположение к метафизике нравов» Кант отмечает, что существа, которые зависят не от нашей воли, а от природы, имеют относительную ценность, являются средствами, в то время как разумные существа являются целями в себе и называются лицами. Сама природа выделила их в этом особом статусе, запрещающем использовать их как средство.

Запрет мучить животных рассматривается Кантом в контексте обязанностей человека по отношению к самому себе. Жестокость к животным ослабляет естественную склонность к состраданию, необходимую для отношений с другими людьми. По аналогии, разрушение неживой природы противоречит обязанностям человека, нанося ущерб содействующему нравственности чувству любви не из одной только выгоды.

Для Швейцера нравственное отношение к животным связано с постоянным осознанием необходимости действий, которые могут причинить вред живым существам. Только крайняя необходимость может оправдывать использование живого как средства для достижения собственных целей. И если Кант в «Метафизике нравов» выступал против использования животных в мучительных физических экспериментах ради простого умозрения, то Швейцер развивает эту тему более подробно. Он пишет, что, когда речь идет о проведении экспериментов на животных в медицинских целях, подразумевается проведение оценки необходимости жертвы животного, также должна быть минимизирована или устранена его боль. Животные, по Швейцеру, не могут использоваться в образовательных целях для демонстрации уже известных медицинских фактов.

Здесь важно и то, что человек не должен заниматься самоуспокоением, указывая на благие цели, которые несет его деятельность. Моральный анализ собственной деятельности, даже ее определенная калькуляция должны стать обязательными для обоснования необходимости принесения животных в жертву. Он пишет: «Как часто еще кощунствуют в научно-исследовательских институтах, не применяя наркоза, чтобы избавить себя от лишних хлопот и сэкономить время!»⁹. Фактически Швейцер предвосхитил дальнейшее развитие ограничений по использованию животных в биомедицине. Речь идет прежде всего о концепции 3R У. Рассела и Р. Берча 1959 г., основанной на трех принципах – сокращения числа животных в медицинских экспериментах (Reduction); совершенствования методов исследования на животных с целью минимизации негативных воздействий (Refinement); замены животных альтернативными моделями (Replacement).

Швейцер описал особое состояние солидарности, которое устанавливается между человеком и животными в связи с использованием последних в качестве подопытных существ. Он указал на необходимость моральной компенсации за причиняемые страдания, «необходимость делать по отно-

⁹ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 221.

шению к любой твари любое возможное добро»¹⁰ и защиту права как животных, так и растений вследствие этического принципа благоговения перед жизнью.

Кантианскую линию в отстаивании прав животных также интересно проследить на примере идей Ф. Яра, которого наряду с Ван Р. Поттером и А. Хеллегерсом считают отцом современной европейской биоэтики¹¹. Ф. Яру, протестанскому пастору, приписывают первое употребление слова «био-этика» как понятия, с которым связывается идея биоцентричной этики, направленной на защиту всех живых существ.

Подвергая переосмыслению категорический императив Канта, Ф. Яр расширяет его применение на область всех живых существ и называет био-этическим: «Уважай каждое живое существо исходя из того, что оно является целью само по себе, и по возможности относись к нему соответствующим образом»¹².

Давая оценку категорическому императиву Ф. Яра, немецкий исследователь Х.М. Сасс отмечает, что в отличие от роскоши «одной лишь формальности»¹³, характерной для императива Канта, императив Ф. Яра богаче по своему содержанию. Яр стремился ввести свою этическую позицию не только в контекст переосмысления идей Канта, но прежде всего в религиозный контекст христианской философии, осуществляя расширительное толкование заповеди «не убий», проецируя ее действие на весь мир живого и подчеркивая необходимость минимизации страдания животных¹⁴.

Биоцентристские установки Яра и Швейцера во многом совпадают, в том числе своей религиозной направленностью. Так, Швейцер в своей автобиографии пишет: «Я не мог понять – это было еще до того, как я пошел в школу, – почему я в своей вечерней молитве должен упоминать только людей... я тайно произносил еще одну, придуманную мной самим молитву обо всех живых существах. Вот она: “Отец Небесный, защити и благослови всякое дыхание, сохрани его от зла и позволь ему спокойно спать!”»¹⁵.

¹⁰ Там же.

¹¹ Для Ф. Яра было свойственно биоцентристское, экологическое понимание биоэтики, и в этом отношении его позиция близка концепции В. Поттера, который изначально рассматривал биоэтику как этику выживания, позволяющую оценить действия человека на все живое. Позиция А. Хеллегерса отражает иное понимание биоэтики как этики био-медицинской, которая призвана решать этические проблемы, порождаемые прогрессом в области медицины. Подробнее см.: Юдин Б.Г. Биоэтический императив Фрица Яра // Человек. 2013. № 6. С. 46–49.

¹² Цит. по: Юдин Б.Г. «Био-этика» Фрица Яра // Человек: выход за пределы. М., 2018. С. 218–219.

¹³ Sassen H.-M. Fritz Jahr's 1927 Concept of Bioethics // Kennedy Institute of Ethics Journal. 2007. Vol. 17. No. 4. P. 284.

¹⁴ См.: Jahr F. Drei Studien zum 5. Gebot // Ethik. Sexual- und Gesellschafts-Ethik. 1934. No. 11. S. 183–187; Idem. Selected Essays in Bioethics 1927–1934. Bochum, 2010; Idem. Tier-schutz und Ethik in ihren Beziehungen zueinander // Ethik. Sexual- und Gesellschafts-Ethik. 1928. No. 4. S. 100–102.

¹⁵ Швейцер А. Указ. соч. С. 18. Молитва А. Швейцера обрела свое художественное воплощение в произведении Л. Горалик «Все, способные дышать дыхание». В нем раскрывается идея трансформации животных в человекоподобных рациональных существ, способных разговаривать, заниматься политической жизнью и обретать религиозный опыт. В произведении молящиеся животные повторяют емкую формулу «Дышим – и не думаем... Дышим – и не думаем...», отрицая тем самым рациональность как критерий онтологического превосходства. См.: Горалик Л. Все, способные дышать дыхание. М., 2019.

Представленные философские позиции по отношению к животным, выраженные у А. Шопенгауэра, И.Г. Фихте, А. Швейцера и Ф. Яра, формировались на основе критического переосмысления философии морали Канта, и все более рельефно проступала проблематизация таких концептуальных вопросов, как: кто является носителем разума, который мы должны надеяться особыми правами (И.Г. Фихте), какого рода инструментализация живых существ может быть оправдана в случае крайней необходимости (Швейцер), по отношению к кому мы должны выражать запрет на убийство (Яр)? Эти вопросы не вышли из философской повестки и в более поздних дискурсах о правах животных.

Кантианские философские импликации в современном дискурсе о правах животных: М. Мидгли и П. Сингер

Дискурс о правах животных обрел совершенно новое звучание после Второй мировой войны. Зверские медицинские эксперименты, проводимые на людях, вызвали необходимость переосмысления пути получения биомедицинского знания. Повсеместно была утверждена норма о том, что эксперимент должен основываться на данных, которые изначально получены в лабораторных исследованиях на животных. С течением времени увеличение количества используемых животных в биомедицинских экспериментах, производство специальных выведенных линий животных для этих целей порождало множество вопросов о моральном статусе животных и альтернативных способах получения биомедицинских данных.

В 70-е гг. возникают прецеденты нападения на фармацевтические лаборатории, виварии, развиваются активные формы сопротивления различным формам эксплуатации, интенсивно формируется дискурс защиты прав животных.

При этом современные мыслители, как и их предшественники, в отстаивании прав животных не упускают возможности подвергнуть критике теоретические положения этики Канта. В этом разделе мы рассмотрим спор с теоретическими положениями философа, развернувшийся в работах М. Мидгли и П. Сингера. Они придали новый импульс развитию дискурса о правах животных.

Британский философ М. Мидгли широко известна своими работами по вопросам этики и прав животных. В 1978 г. она написала свою первую книгу «Зверь и человек». Вслед за этим последовали такие труды, как «Животные и почему они имеют значение» (1983), «Злоба» (1984), «Этичный примат» (1994). М. Мидгли указала на присущие развитию философии две характерные стратегии отношения к животным, выражающие либо абсолютное, либо относительное пренебрежение ими. Первую из них, по ее мнению, воплощает Декарт, вторую (более мягкую) – Кант, демонстрируя в своем творчестве, что нравственное отношение к животным в дальнейшем способно стать источником такого же отношения к людям.

Философские рассуждения Мидгли о животных одновременно являются экскурсом в психологию человеческого страха. Она указывает на присутствующую философскому сообществу (и в целом типичную для всего человечества) анималистическую ошибку, обусловленную переносом внутренних пороков и страхов человека на животных. По этой причине, в частности, мы

представляем волка таким, каким он предстает перед пастухом, когда он выхватывает ягненка из загона. Но, как остроумно замечает М. Мидгли, «...это все равно, что судить о пастухе по впечатлению, которое он производит на ягненка в тот момент, когда он, наконец, решает превратить его в бараны отбивные»¹⁶.

Примитивность и наивность наших суждений о животных приводит к размещению последних в онтологически скромном месте, где степень их демонизации оказывается непропорционально выше человеческой. Между тем, по ее мнению, воюющие крысы, убивающие своих противников из другой стаи, «не могут конкурировать ни с Каином, ни с Ромулом, ни тем более с Авимелехом, сыном Гедеона, убившим на одном камне всех своих братьев»¹⁷.

Отмечая, что бесконтрольное использование философами аргументов о злой природе животных соотносится с собирательным образом ненасытного Дикого Зверя (внутреннего животного), готового вырваться на свободу в погоне за удовлетворением своих желаний, Мидгли в этой связи подвергает критике позицию Канта, отраженную в его ранних «Лекциях по этике». В этом произведении Кант указывает на то, что проявления человеческой сексуальности подвергают человека опасности уподобления животным. В противовес Канту Мидгли замечает, что уподобление человека животным не может рассматриваться как нечто плохое, поскольку человек разделяет с животными многие привычки, даже несмотря на то, что сексуальная жизнь животных может показаться кому-то чересчур неупорядоченной.

Обобщения, выливающиеся в негативные суждения о животных, не являются корректными. Поэтому при оценке какой-либо деятельности и пропуски ее сквозь сито морали мы нуждаемся в обосновании того, почему она не является подходящей для людей (безнравственной). Однако эта оценка не должна соотноситься с примерами, взятыми из мира животных.

В человеческом обществе, полагает Мидгли, распространен неправильный силлогизм, когда при упоминании какой-либо маргинализованной группы все ее поведенческие характеристики оцениваются в негативном ключе исключительно по факту принадлежности к ней, что укрепляет социальные предрассудки. По аналогии нечто подобное происходит и с оценкой животных. Здесь также упоминается какая-либо группа, считающаяся неполноценной (Мидгли называет их «гопниками»). Силлогистический аргумент, который использует Мидгли, имеет следующую форму:

Некоторые практики гопников отвратительны.

Это – практика гопников.

Поэтому эта практика отвратительна¹⁸.

Мидгли пишет, что единственное, что могло бы сделать этот аргумент честным, – это универсальный характер основной предпосылки, ее истинность в отношении всех практик (все, что животные делают, является злым или неполноценным). При этом пороки чудовищного внутреннего Зверя проецируются на реальных животных¹⁹.

Мидгли также подвергла критике используемый И. Кантом аргумент, связанный с уподоблением человека животным в реализации его сексуальной

¹⁶ Midgley M. *Animals and The Problem of Evil* // The essential Mary Midgley. L., 2005. P. 39.

¹⁷ Ibid. P. 41.

¹⁸ Ibid. P. 55.

¹⁹ Ibid.

функции. Она показывает, что Кант вовсе не нуждается в аргументе внутреннего Зверя, и гораздо лучше он мог бы выразить свои опасения, используя уже созданный понятийный аппарат, ставший центральным для его этики, в частности касающийся инструментализации отношения к человеку, в рамках которого последний рассматривается как средство, а не как цель.

Слабость некоторых положений Канта, касающихся рассуждений о животных, по мнению Мидгли, обусловлена акцентом на рациональности моральных агентов, достойных уважения. Животные не могут быть целью в себе в связи с отсутствием центральной для учения Канта характеристики рациональности. Животные, не являющиеся целью в себе, автоматически становятся средством для достижения человеческих целей. В то же время она отмечает, что Кант ограничивает произвол в инструментализации животных, указывая, что жестокость по отношению к животным унизила бы природу самого человека. Его долг – избегать этого осквернения²⁰.

В работе «Утопии, дельфины и компьютеры» Мидгли осуществляет попытку реабилитировать позицию Канта. Она обращает внимание на основополагающую для его творчества антитезу между личностями и вещами, выражающуюся в том, что вещи могут быть использованы таким образом, каким не могут быть использованы люди. Очевидно, что Кант противопоставляет фактическому положению дел веру в достоинство и свободу человека. Следовательно, Кант запутался в неадекватной моральной теории, поскольку использовал неубедительные аргументы в защиту животных: «Он говорит – то, что продолжают говорить с тех пор, – что это только потому, что жестокость к животным может привести к жестокости к людям, или унижить нас, или быть признаком плохого морального облика и мы должны избегать этого»²¹.

Мидгли полагает, что животные являются субъектами, но не вещами. Кантианское противопоставление человека вещам, с ее точки зрения, является бесполезным, препятствуя нашему признанию субъективности животных²². Попытка опровергнуть отождествление животных с вещами приводит М. Мидгли к новой интерпретации проблемы жестокого обращения с животными, которая парадоксальным образом указывает на то, что они не могут считаться вещами: акт жестокости всегда основан на вере в то, что тот, на кого направлена жестокость, способен страдать. Страдание отсылает к страдающему субъекту. Жестокость к животным тем самым, по Мидгли, косвенно указывает на наличие их субъективности и субъектности. Пиннок лошади или собаки отрицает их вещьность, наделяя их другим онтологическим статусом и утверждая их субъектность.

Мидгли далее указывает, что интеллект не должен оказывать влияние на определение границ нашей моральной заботы. Кант, по ее мнению, в своей попытке провести разделительную линию между разумом и эмоциональной сферой человека упускает из виду влияние чувств на формирование морали посредством влияния на образ мышления и на целеполагание²³. Значимым тогда становится баланс чувств и разума: «Чувства, чтобы быть

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 137.

²² Midgley M. *Utopias, Dolphins and Computers: Problems of Philosophical Plumbing*. L., 1996. P. 111–112.

²³ Midgley M. *Heart and Mind: The Varieties of Moral Experience*. L., 2003.

эффективными, должны принимать форму мыслей, а мысли, чтобы быть эффективными, должны питаться подходящим чувством»²⁴.

Мидгли расширяет моральный универсум, обращаясь к идеям И. Бентама, чтобы показать, что проблема не в том, могут ли животные говорить или рассуждать, чтобы стать его членами, но в том, могут ли они страдать. Способность чувствовать боль и страдать рассматриваются как основания для требования защиты, вне зависимости от видовой идентичности их носителя. В этом контексте актуализируется понятие Другого, который «не всегда человеческое существо»²⁵.

Хотя сентиоцентризм И. Бентама ориентирован на защиту живых существ, способных ощущать боль, из его рассмотрения исключается все, что не обладает этим качеством. В этом смысле биоцентризм у Швейцера или Яра оказывается в своей этической направленности более универсальным.

В то же время идеи Бентама релевантны как для Мидгли, так и для такого известного своими одиозными высказываниями мыслителя и яркого зоозащитника, как П. Сингер, к анализу взглядов которого мы переходим.

Противопоставляя идеи Бентама и Канта, он утверждает, что основополагающим в размышлениях о морали становится вопрос о страдании, а не способность выражать себя в языке, отвергая тем самым представление о том, что моральные обязательства коррелируют с теми или иными человеческими способностями. В отличие от Мидгли, оценка идей Канта у Сингера более жесткая: Сингер упрекает его в том, что он не поддался общей тенденции гуманизации отношения к животным, характерной для эпохи Просвещения²⁶.

И если Бентам, «возможно, первым в истории объявил “власть человека” тиранией, а не законным правлением»²⁷, то Кант продолжил развивать свои взгляды в рамках жесткой антропоцентричной позиции, где целью является человек, а животные его средствами, не обладающими самосознанием. Здесь животное служит человеку в выстраивании его собственного морального универсума, а интересы животных при такой видистской позиции уходят на второй план и подчинены интересам людей.

И Мидгли, и Сингер указывают на уязвимость кантианской позиции в связи с тем, что Кант имеет дело с «нормальным» (выражаясь словами Сингера) человеческим существом, обладающим автономией, дееспособностью, высокой степенью разумности. При этом не учитывается разница в распределении человеческого у различных человеческих существ, их дифференциация, обусловленная разной степенью наличия этих качеств, равным образом как и наличие определенных характеристик, классически считающихся антропологическими (в частности, разумности) у животных.

Мидгли занимает достаточно умеренную позицию. Обращая внимание на недостатки антропоцентричных объяснительных моделей, она призывает к переходу к биоцентричной стратегии, где важным становится сосуществование людей и животных в рамках одного сообщества.

Сингер следует более радикальным путем, показывая, что используемая в отношении эксплуатации животных аргументация не только аморальна, но и нелогична. Последовательно применяя критерии разумности, чувства

²⁴ Ibid. P. 4.

²⁵ Ibid. P. 137.

²⁶ Сингер П. Освобождение животных. М., 2021.

²⁷ Там же. С. 342.

страдания и боли, он доходит до одиозных сравнений и показывает, что границы инструментализации живых существ могут быть существенно расширены. Так, он пишет о том, что не все человеческие существа могут достигнуть уровня понимания и самосознания, который свойствен некоторым животным, имея в виду людей с серьезными и необратимыми поражениями мозга, а также новорожденных.

Практика защиты людей с серьезными ментальными патологиями, как полагает Сингер, должна строиться на каком-то ином основании, чем это имеет место сейчас, поскольку последовательное использование критерия разумности приводит к ситуации, когда мы либо должны начинать рассматривать соответствующих ему животных как его носителей и исключать их из числа объектов эксплуатации, либо считать их частью человечества, не соответствующей критерию разумности, и начинать рассматривать эту часть наравне с животными со всеми вытекающими отсюда последствиями – участием их в медицинских экспериментах и прочих инструментализирующих аморальных практиках.

П. Сингер обостряет свою позицию, привлекая аргументацию Р. Фрея, рассуждающего об основаниях для вивисекции и утверждающего, что попытка оправдать эксперименты на животных благами, которые несут эти эксперименты, приводит к тому, что исчезают внутренние причины для запрета таких же экспериментов по отношению к людям, «качество жизни которых уступает качеству жизни животных или соответствует ему»²⁸.

Использование подобных унижающих человеческое достоинство высказываний – характерная черта творчества П. Сингера, вызывавшая не просто философские дискуссии, но и серьезные политические акции протеста, направленные против использования нацистской риторики. Действительно, идеи Сингера напоминают нацистские представления о сортировке людей на основе представлений о полезном и бесполезном существовании, в соответствии с наличием признаков, отвечающих принятым критериям качества жизни.

Он оспаривает любые попытки ограничения понятия «личность» исключительно антропоцентричными моделями, развивавшимися в рамках кантовской традиции, и переходит к введению специфических критериев личности, которым могут соответствовать животные, но не соответствовать человеческие существа. Например, ребенок с анэнцефалией, по Сингеру, не является личностью, в то время как ею является обезьяна. Здесь он опирается на тот самый критерий разумности, с которым и хочет бороться.

Возможно, этим он хочет показать непоследовательность философской позиции тех, кто в эссенциалистском ключе пытается найти конституирующие характеристики человека, формируя определенное знание о нем, которое вызывает усиление процесса инструментализации. Эпистемологическая установка в таком случае способна определять моральное поведение.

Являясь последователем одного из направлений утилитаризма – утилитаризма предпочтений, Сингер пытается расширить масштаб морального универсума, включая в него не только людей, но и животных, модифицируя классическую формулу утилитаризма о наибольшем счастье для наибольшего числа людей в анималистическом ключе, где счастье должно распределяться между всеми представителями нового морального универсума.

²⁸ Там же. С. 397.

Однако фантазмагорически этот универсум превращается в еще одну зону исключения, где счастливым позволено быть далеко не каждому. Оттуда оказываются исключены, в частности, люди, обладающие сильными физическими или психическими недостатками, страдающие пациенты в устойчивом вегетативном состоянии, носители болезни Альцгеймера, дегенеративных заболеваний, т.е. те, кто не соответствует принятым стандартам рациональности.

Постулируя значимость рациональности в человеческом поведении, Сингер гротескно уподобляется критикуемому им Канту в аспекте гипертрофированного внимания к рациональности. Но речь идет о градуированной и одновременно нормализованной рациональности, где преимущество получает больше тот, кто является носителем ее средних значений. Действительно ли Сингер искренен в этой позиции или же эвристически отстаивает эту точку зрения, используя как наглядный пример доведения до абсурда исключительной приверженности рационализму, – судить достаточно сложно.

Разрывая утвержденную философами связь между принадлежностью к виду и онтологическим и моральным статусом, Сингер упирается в решение проблемы дозволенного/недозволенного уже в отношении людей, осуществляя радикальную межвидовую стратификацию, присваивая и отбирая у человека человеческую личность на разных этапах его развития. Тем самым он постулирует зависимость индивидуума от медиализированного пространства действий, где предпочтения признанных полноценными моральными агентами субъектов становятся определяющими для принятия моральных решений.

В зоо-антропологической онтологии Сингера стираются границы между видами, но и также исчезает хрупкая защита тех, кому конвенциональным путем отказано в принятии в сообщество личностей и вообще в сообщество живых людей. «Поворот к животному» происходит на фоне кардинального онтологического разворота, где животное вытесняет на периферию самого человека. Здесь анимализм в своих радикальных проявлениях идет параллельно с дегуманизацией.

Позиция Сингера исполнена противоречий. Каркасы теоретических конструкций зооцентричного морального нигилизма рушатся, когда речь заходит о его личной биографической ситуации. В статье «Самый опасный человек в мире», опубликованной в издании «The Guardian», К. Тулис (Kevin Toolis) рассматривает ответ Сингера на вопрос, почему он продолжает заботиться о своей матери, больной Альцгеймером. П. Сингер отвечает следующим образом: «В идеальном мире, если бы я мог на законных основаниях... если бы существовал способ без наказания или чего бы то ни было безболезненно покончить с жизнью моей матери, а затем передать ресурсы, используемые для ухода за ней, людям, которые в противном случае умерли бы от недоедания, которых много, я бы сказал, что да, это было бы лучше сделать. Но это не та ситуация, в которой находимся я или моя мать»²⁹.

Здесь Сингер выводит себя из зоны неистощимых мысленных экспериментов, оказываясь в ситуации неумолимой проверки реальностью. Простая калькуляция в области правильного и неправильного, которая присуща взглядам Сингера, легко вычеркивающим людей из человеческого универсума, лишая их личностного измерения, терпит крах перед лицом личной ситуации,

²⁹ Toolis K. The most dangerous man in the world // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/1999/nov/06/weekend.kevintoolis> (дата обращения: 11.09.2022).

где контекст принятия решений оказывается сопряжен с жизнью близкого человека и властью закона и уже не может быть сведен к мыслительным абстракциям. Как справедливо об этом пишет К. Тулис: «Питер Сингер, пророк последних дней, выдающийся веган, философ-мудрец и приверженец утилитаризма, застрял в той же моральной неразберихе, что и все мы»³⁰.

Неразбериха, однако, присуща не только взглядам Сингера. Во многом его идеи отражают непрозрачность и собственно идей Канта, на которую он и обращает внимание, когда возникает возможность доведения рационалистической традиции мысли до абсурда, краха, когда гиперрационализм становится угрожающим проектом не только для мира животных, но и для представителей человеческого рода.

Заключение

В статье были рассмотрены различные вариации использования идей И. Канта и их интерпретации в анималистическом дискурсе. В этом контексте попытки увидеть в творчестве И. Канта аналог позиции Р. Декарта, рассматривающего животных в качестве простых машин, подобных часовому механизму, сосуществуют со стремлением найти в его работах идеи, способствующие повышению онтологического статуса животных и наделению их человеческими способностями.

Последняя линия может проявляться в различных направлениях философии. Например, в рамках философии сознания К. МакЛир исследует на примере животных описанную Кантом способность к объективному восприятию³¹. Он полагает, что Кант может последовательно допустить, что у животных есть точка зрения на объективный мир, обладающая своеобразным феноменальным характером, более того, они обладают способностью представлений и различными репрезентативными способностями, а также особой формой сознания – «сознанием доступа»³².

Современная философия предлагает разные формы апологии животных, которые в некоторых случаях становятся апологией философии И. Канта, стремлением привнести в его творчество идеи, созвучные дискурсу зоозащитников.

В статье мы проследили влияние идей И. Канта на становление современного дискурса о правах животных. При этом были выделены три важных этапа в его эволюции. Каждый из них характеризовался критикой антропоцентризма Канта и поиском специфических антропологических критериев либо же, напротив, постулатом сближения людей с другими живыми существами.

1. Выявление критериев, обеспечивающих онтологический приоритет человека (И.Г. Фихте).

2. Поиск метафизических оснований, дающих возможность формирования уравнивания в правах человека и животных (А. Шопенгауэр).

³⁰ Ibid.

³¹ *McLear C. Kant on Animal Consciousness // Philosophers' Imprint. 2011. Vol. 11. No. 15. P. 3.* URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1044&context=philosfacpub> (дата обращения: 11.09.2022).

³² Ibid.

3. Создание этико-религиозных доктрин, определяющих новый, более справедливый формат отношений между людьми и животными (Ф. Яр и А. Швейцер).

4. Активное развитие идеи о равенстве всех живых существ, испытывающих страдание (М. Мидгли, П. Сингер), и радикальное переосмысление статуса животных, которое может вызывать ущемляющую трансформацию антропологического статуса.

Указанные этапы не исчерпывают весь процесс развития анималистической повестки современной философии и являются лишь одной из возможных реконструкций современной мысли о животных. Само обращение философии к теме животного не проходит для нее бесследно, создавая новые точки роста и осмысления старых проблем. Выражаясь словами Сингера, «в процессе дискуссий о статусе животных сама философия претерпела радикальную трансформацию: она отказалась от удобного конформизма, отбросила общепринятые догмы и вернулась к своей древней сократической роли»³³.

Однако в расширяющемся радикальном анималистическом контексте, который во многом и задают идеи Сингера, от сократического антропоцентризма не остается и следа. Репрезентация животных в кантианской линии анималистического вектора философии является тенью кантианского субъекта³⁴, позволяющей обозначить его очертания. В определенном смысле это его бессознательное, проявляющее себя как тень человеческих пороков, как внутренний «зверь» самого человека. Оно также может рассматриваться в качестве познаваемого и непознанного Другого, концептуальной метафоры³⁵, которая задает новые векторы философствования.

Анималистический вектор современной философии, наделяющий животное субъектностью, развивается в условиях радикальной трансформации отношения к человеку и переосмысления его онтологического статуса. Постигание животного осуществляется в контексте развивающихся социальных и технологических практик, формирующих условный онтологический вектор с координатами недочеловеческого, человеческого и постчеловеческого.

К 20–30-м гг. XX в. формируются определенные мировоззренческие предпосылки, связанные с восприятием животных как существ, требующих морального отношения и заботы.

С другой стороны, «поворот к животному» происходил на фоне кардинального онтологического разворота, где животное могло вытеснить на периферию человека. Так, в нацистской Германии анимализм развивался параллельно с дегуманизацией. К примеру, в 30-е гг. XX в. здесь выходит закон о защите животных, в котором постулируется ответственность человека за них как за своих братьев. Однако задача преодоления межвидового барьера формируется синхронно с процессом разделения человечества на виды и подвиды и маркирования его с помощью животных метафор. Это

³³ Сингер П. Указ. соч. С. 398.

³⁴ Как отмечает П.Д. Тищенко, «...собака (как одомашненное “животное”) является условием возможности опыта (в самом серьезном кантовском смысле) классического субъекта» (Тищенко П. Собака, лежащая справа... // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 20).

³⁵ См.: Тимофеева О.В. Другой в философско-антропологическом контексте: проблема различия и границы между человеком и животным. Дис. ... д. филос.н. М., 2018.

способствовало формированию нацистской зоо-антропологической онтологии, где люди располагались в иерархии вместе с животными.

Использование зоологических метафор, употребление таких слов-маркеров, как «паразит», «вошь», «свинья», «кролики», «микроб» (и их антагонистов, таких как «орел», «волк»), стало особенно востребованным в нацистской политике. Биологической, зоологической сущности были приданы моральный и политический смыслы: феномены, нации, отдельные категории людей, которые описывались подобным образом, утрачивали свое первичное значение. Уничтожению людей предшествовал процесс лингвистического «зоологического» конструирования, репрессивный лингвистический поворот в политике.

В современном мире процесс персонализации животных может быть растущей технологизацией. Процесс концептуального обоснования наличия у животного личности дополняется научными поисками в области разработки биотехнологий, направленных на развитие у животных физических и когнитивных способностей. Доступ к субъективности животного, который ранее в своем самом распространенном выражении осуществлялся через его хозяина, устанавливающего с ним эмпатические связи³⁶, теперь дополняется лабораторным, технологическим конструированием животного, где его субъективность – одна из многочисленных одинаковых субъективностей «чистых линий», концептуализирующих животное как животное-машину, удобную для проведения биомедицинских опытов.

И хотя животное подвергается определенной гуманизации и мы наблюдаем антропологический поворот в отношении живых существ, выражающийся как в усилении процесса концептуального обоснования наличия у животного личности, так и в появлении биотехнологий, направленных на усиление у животных физических и когнитивных способностей³⁷, одновременно формируются предпосылки развития постчеловеческой перспективы существования. В ней человек вытесняет из себя животное, технологически замещая его. В этой связи новым аспектом экологической политики становится защита животного в самом человеке. Улучшенное технологическим вмешательством животное приходит на смену несовершенному человеку, он занимает место постчеловеческого артефакта, заявляя о потенциальной переходимости анималистической и антропологической границ.

Проходя сквозь стену выстроенных моральных представлений, сложившейся онтологии, вырываясь к новому эпистемологическому горизонту, усиленные человек и животное, возможно, зададут прецедент конца истории, но не в смысле А. Кожева, когда человек превращается в животное – стартовую точку, из которой и начинается человеческая история, а наоборот, когда одно из животных превращается в человека, уступающего ему свое онтологическое место при укоренении собственно человеческой позиции в технологическом постчеловеческом существовании. В этом случае достижение пределов зооцентричной перспективы будет происходить параллельно

³⁶ *Lestel D.* The Question of The Animal Subject // *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities.* 2014. Vol. 19. No. 3. P. 113–125.

³⁷ В последние годы значительное распространение получает тенденция «улучшения животных» (Animal enhancement), связанная с усилением их когнитивных и физических способностей, см.: *Кожевникова М.* Animal enhancement на службе «улучшения» человека // *Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека. Сб. науч. статей. К 70-летию Павла Дмитриевича Тищенко.* М., 2017. С. 68–79.

с продвижением к линии нового антропологического и социального горизонта – к гибридным сообществам, состоящим из людей, животных и технологий или комбинирующих их в своей идентичности субъектов. В такой ситуации категорический императив, заставляющий относиться к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели приобретет парадоксальную зоотехнологическую двусмысленность.

Список литературы

- Белякова Н. Христианские основы Bio-Ethik Фрица Яра и центральноевропейская перспектива восприятия его концепции // Государство. Религия. Церковь. 2020. № 4. С. 92–109.
- Горалик Л. Все, способные дышать дыхание. М.: АСТ, 2019. 470 с.
- Кожевникова М. Animal enhancement на службе «улучшения» человека // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека. Сб. науч. статей. К 70-летию Павла Дмитриевича Тищенко / Ред. Б.Г. Юдин, Е.Г. Гребенщикова. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2017. С. 68–79.
- Сингер П. Освобождение животных / Пер. англ. А. Коробейникова. М.: Синдбад, 2021. 448 с.
- Тимофеева О.В. Другой в философско-антропологическом контексте: проблема различия и границы между человеком и животным. Дис. ... д.филос.н. М.: ИФ РАН, 2018. 270 с.
- Тищенко П. Собака, лежащая справа... // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 15–28.
- Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / Пер. с нем. А.К. Судаков. М.: Канон+, 2014. 392 с.
- Швейцгер А. Благоговение перед жизнью / Пер. с нем.; общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. М.: Прогресс, 1992. 576 с.
- Шопенгауэр А. Свобода воли и основа морали / Пер. с нем. Ф.В. Черниговца. СПб.: А.С. Суворин, 1887. 352 с.
- Юдин Б.Г. «Био-этика» Фрица Яра // Человек: выход за пределы / Под ред. Г.Б. Юдина. М.: Прогресс – Традиция, 2018. С. 211–223.
- Юдин Б.Г. Биоэтический императив Фрица Яра // Человек. 2013. № 6. С. 46–49.
- Samenzind S. Kantian Ethics and the Animal Turn. On the Contemporary Defence of Kant's Indirect Duty View // Animals. 2021. Vol. 11 (2), 512. DOI: 10.3390/ani11020512.
- Jahr F. Drei Studien zum 5. Gebot // Ethik. Sexual- und Gesellschafts-Ethik. 1934. No. 11. S. 183–187.
- Jahr F. Selected Essays in Bioethics 1927–1934 / Postscript and references by H.-M. Sass. Bochum: Zentrum für Medizinische Ethik, 2010. 32 p.
- Jahr F. Tierschutz und Ethik in ihren Beziehungen zueinander // Ethik. Sexual- und Gesellschafts-Ethik. 1928. No. 4. S. 100–102.
- Lestel D. The Question of The Animal Subject // Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities. 2014. Vol. 19. No. 3. P. 113–125.
- McLear C. Kant on Animal Consciousness // Philosophers' Imprint. 2011. Vol. 11. No. 15. P. 1–16. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1044&context=philosfacpub> (дата обращения: 11.09.2022).
- Midgley M. Heart and Mind: The Varieties of Moral Experience. Revised ed. L.: Routledge, 2003. 240 p.
- Midgley M. Utopias, Dolphins and Computers: Problems of Philosophical Plumbing. L.: Routledge, 1996. 192 p.
- Ryder R.D. Experiments on Animals // Animals, Men and Morals / Ed. by S. Godlovitch, R. Godlovitch and J. Harris. N.Y.: Taplinger, 1971. P. 41–82.
- Sass H.-M. Fritz Jahr's 1927 Concept of Bioethics // Kennedy Institute of Ethics Journal. 2007. Vol. 17. No. 4. P. 279–295.
- The essential Mary Midgley / Ed. by D. Midgley. L.: Routledge, 2005. 424 p.

Toolis K. The most dangerous man in the world // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/1999/nov/06/weekend.kevintoolis> (дата обращения: 11.09.2022).

The animalistic turn in philosophy and bioethics and the Kantian line in the protection of animal rights

Olga V. Popova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: J-9101980@yandex.ru

The article considers the influence of I. Kant's ideas on the development of philosophical and bioethical discourse on animal rights. The doctrine of I. Kant, with its inherent anthropocentric attitude, is usually regarded as opposed to the spirit of the biocentric position that has been characteristic of Anglo-Saxon utilitarianism since the time of I. Bentham. The Kantian approach is supposed to ignore the issue of animal rights. In the article, the author argues that the teachings of I. Kant had a significant impact on the formation of the discourse on animal rights not only in the sense that animal rights activists perceived the ideas of I. Kant as arguments of their ideological opponent, which should be questioned, but also in the sense that they were accepted and developed in the 20th century as part of the biocentric discourse and were used to protect animal rights.

Keywords: animal rights, bioethical imperative, biocentrism, speciesism, animal, anthropocentrism, reverence for life

For citation: Popova, O.V. "Animalisticheskii povorot v filosofii i bioetike i kantianskaya liniya v zashchite prav zhivotnykh" [The animalistic turn in philosophy and bioethics and the Kantian line in the protection of animal rights], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 78–95. (In Russian)

References

- Belyakova, N. "Khristianskiye osnovy Bio-Ethik Fritsa Yara i tsentral'noyevropeyskaya perspektiva vospriyatiya yego kontseptsii" [Fritz Jahr's Christian Foundations of Bio-Ethik and the Central European Perspective of Perceiving His Concept], *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov*, 2020, No. 4, pp. 92–109. (In Russian)
- Camenzind, S. "Kantian Ethics and the Animal Turn. On the Contemporary Defence of Kant's Indirect Duty View", *Animals*, 2021, Vol. 11 (2), 512, DOI: 10.3390/ani11020512.
- Fichte, J.G. *Osnova yestestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya* [The basis of natural law according to the principles of science], trans. by A.K. Sudakov. Moscow: Kanon+ Publ., 2014. 392 pp. (In Russian)
- Goralik, L. *Vse, sposobnyye dyshat' dykhaniye* [All capable of breathing breath], Moscow: AST Publ., 2019. 470 pp. (In Russian)
- Jahr, F. "Drei Studien zum 5. Gebot", *Ethik. Sexual- und Gesellschafts-Ethik*, 1934, No. 11, S. 183–187.
- Jahr, F. "Tierschutz und Ethik in ihren Beziehungen zueinander", *Ethik. Sexual- und Gesellschafts-Ethik*, 1928, No. 4, S. 100–102.
- Jahr, F. *Selected Essays in Bioethics 1927–1934*, postscript and references by H.-M. Sass. Bochum: Zentrum für Medizinische Ethik, 2010. 32 pp.
- Kozhevnikova, M. "Animal enhancement na sluzhbe 'uluchsheniya' cheloveka" [Animal enhancement in the service of human 'enhancement'], *Bioetika i biotekhnologii: predely uluchsheniya cheloveka. Sb. nauch. statey. K 70-letiyu Pavla Dmitriyevicha Tishchenko* [Bioethics and biotechnology: the limits of human enhancement. Collection of scientific articles. To the 70th anniversary of Pavel Dmitrievich Tishchenko], ed. by B.G. Yudin and

- E.G. Grebenshchikova. Moscow: Moscow Univ. for the Humanities Publ., 2017, pp. 68–79. (In Russian)
- Lestel, D. “The Question of The Animal Subject”, *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 2014, Vol. 19, No. 3, pp. 113–125.
- McLear, C. “Kant on Animal Consciousness”, *Philosophers’ Imprint*, 2011, Vol. 11, No. 15, pp. 1–16 [<https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1044&context=philosfacpub>, accessed on 11.09.2022].
- Midgley, M. *Heart and Mind: The Varieties of Moral Experience*, revised ed. London: Routledge, 2003. 240 pp.
- Midgley, M. *Utopias, Dolphins and Computers: Problems of Philosophical Plumbing*. London: Routledge, 1996. 192 pp.
- Ryder, R.D. “Experiments on Animals”, *Animals, Men and Morals*, ed. by S. Godlovitch, R. Godlovitch and J. Harris. New York: Taplinger, 1971, pp. 41–82.
- Sass, H.-M. “Fritz Jahr’s 1927 Concept of Bioethics”, *Kennedy Institute of Ethics Journal*, 2007, Vol. 17, No. 4, pp. 279–295.
- Schopenhauer, A. *Svoboda voli i osnova morali* [Free Will and The Basis of Morality], trans. by F.V. Chernigovets. St. Peterburg: A.S. Suvorin Publ., 1887. 352 pp. (In Russian)
- Schweitzer, A. *Blagoveniye pered zhizn’yu* [Reverence for life], trans. from German, ed. by A.A. Guseynov and M.G. Seleznev. Moscow: Progress Publ., 1992. 576 pp. (In Russian)
- Singer, P. *Osvobozhdeniye zivotnykh* [Animal Liberation: A New Ethics for our Treatment of Animals], trans. by A. Korobeinikov. Moscow: Sindbad Publ., 2021. 448 pp. (In Russian)
- The essential Mary Midgley*, ed. by D. Midgley. London: Routledge, 2005. 424 p.
- Timofeyeva, O.V. *Drugoy v filosofsko-antropologicheskom kontekste: problema razlichiya i granitsy mezhdu chelovekom i zivotnym* [The Other in a Philosophical Anthropological Context: The Problem of Difference and Boundary between Man and Animal], Diss. Moscow: IPh RAS Publ., 2018. 270 pp. (In Russian)
- Tishchenko, P. “Sobaka, lezhashchaya sprava...” [Dog lying on the right], *Siniy divan*, 2007, No. 10–11, pp. 15–28. (In Russian)
- Toolis, K. “The most dangerous man in the world”, *The Guardian* [<https://www.theguardian.com/lifeandstyle/1999/nov/06/weekend.kevintoolis>, accessed on 11.09.2022].
- Yudin, B.G. “‘Bio-etika’ Fritsa Yara” [Bioethics of Fritz Jahr], *Chelovek: vykhod za predely* [Human: Going Beyond], ed. by G.B. Yudin. Moscow: Progress – Traditsiya Publ., 2018, pp. 211–223. (In Russian)
- Yudin, B.G. “Bioeticheskiy imperativ Fritsa Yara” [The Bioethical Imperative of Fritz Jahr], *Chelovek*, 2013, No. 6, pp. 46–49. (In Russian)